

УДК 2-463:27-725(470.23-25)

**СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР ГУМИЛЕВСКИЙ –
ОРГАНИЗАТОР ПРИХОДСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Мельков А.С.

Статья посвящена изучению приходской благотворительности как феномена религиозной жизни Санкт-Петербурга середины XIX в. Автором подробно описаны жизнь и труды клирика храма Рождества Христова на Песках священника Александра Гумилевского, его вклад в формирование и пастырское окормление Крестовоздвиженской и Христорожественской общин сестер милосердия. Детально исследована история создания и развития под руководством о. Александра различных форм приходской благотворительности, в том числе приюта для нищих детей и пожилых людей, а также Христорожественского братства – первого в России благотворительного церковного общества. Основная цель братства – приходить на помощь бедным, благодаря трудам о. Александра и его помощников успешно реализовывалась в больших масштабах. Своей неутомимой пастырской деятельностью, делами милосердия и благотворительности, основанием братского приюта для бедных и самого братства священник Александр Гумилевский снискал поистине всеобщую любовь и глубокое уважение среди жителей Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: приходская благотворительность, храм Рождества Христова на Песках, Христорожественское братство, бедность, милосердие.

**PRIEST ALEXANDER GUMILEVSKY –
AN ORGANIZER OF PARISH CHARITY
IN SAINT PETERSBURG**

Melkov A.S.

The article is devoted to studying parish charity as a phenomenon of religious life in St. Petersburg in the middle of the 19th century. The author thoroughly describes the life and activity of priest Alexander Gumilevsky known as the Church

of the Nativity on Peski cleric, and his contribution to the formation and pastoral care of the Holy Cross and the Nativity communities of Sisters of Mercy. There studied in detail the history of the creation and development of various parish charity forms under the leadership of Fr. Alexander, including a shelter for poor children and seniors, as well as the Nativity Brotherhood, the first charitable church society in Russia. The main purpose of the brotherhood was to come to the aid of the poor, and thanks to Fr. Alexander's and his assistants' trying was successfully realised in grate scale. By his tireless pastoral effort, works of mercy and charity, the foundation of the fraternal shelter for the poor and the Brotherhood itself, priest Alexander Gumilevsky won truly general love and deep respect among the people of St. Petersburg.

Keywords: parish charity, Church of the Nativity on Peski, Nativity Brotherhood, poverty, mercy.

Благотворительность в Древней Церкви и дореволюционной России

Церковная благотворительность возникла еще при земной жизни Спасителя, когда ученики Христа собирали пожертвования и раздавали их бедным и неимущим, устраивали братские трапезы. Получив благодать Святого Духа в День Пятидесятницы, апостолы продолжили служение Богу и людям не только в проповеди Слова Божия и совершении Таинств, но и в заботе о неимущих, нуждающихся и больных. Так с самых первых дней существования Христианства неотъемлемой частью церковной жизни стали дела милосердия и благотворительности. Христос говорит, что, накормив голодного и напоив жаждущего, приняв странника и одев нагого, посетив больного или заключенного в тюрьме, человек совершает это для самого Господа (Мф. 25:31-40).

В ранней христианской общине осуществление благотворительности (диаконии) было упорядочено апостолами, которые поручили это служение семи специально избранным ученикам, «исполненным Святого Духа и мудрости», которые были поставлены в диаконы (Деян. 6:2-6).

В древней Церкви «благотворительная деятельность общины

направлялась предстоятелем, именно он решал, кто и какую помощь должен получить из собранных средств. В общине осуществлялись такие формы благотворительности, которые не вполне могли быть осуществлены христианами лично. Участвуя в благотворительном служении общины, каждый оказывался причастным делу, превосходящему его личные возможности, чувствовал себя нужным, независимо от того, сколько он пожертвовал лично. В деятельной любви христианин преодолевал границы себялюбия, освобождался от иллюзий обладания и наслаждения материальными благами и становился открытым к восприятию любви Божией.

С течением времени и постепенным возрастанием Церкви практическое проявление милосердной любви утвердилось в качестве одной из приоритетных задач» [13, с. 41].

Древнейшими формами благотворительности на Руси были милостыня и помощь нищим. Одним из ярчайших примеров церковной благотворительности является деятельность святого равноапостольного князя Владимира, по приказу которого убогих и нищих кормили прямо при княжеском дворе, а также на улицах Киева. Князь Владимир определил десятину на содержание монастырей, храмов, богаделен и больниц. Великий князь Владимир Мономах считал опеку бедных одной из главных своих обязанностей. Позднее, нищелюбие стало характерной чертой Московских князей и царей. Особенной щедростью отличался князь Иван Калита, известным благотворителем был и царь Алексей Михайлович.

В XI-XVII вв. помощь бедным была важной задачей Церкви. Благотворительная деятельность в то время состояла в создании и содержании при храмах богаделен, «убогих домов», а при кладбищах – «скудельниц». В 1679 г. был установлен во всех епархиях особый сбор на содержание нищих.

При Петре I формы государственной и церковной благотворительности были систематизированы через организацию на церковных приходах приютов для взрослых и детей и размещение инвалидов при монастырях. При Екатерине II было начато повсеместное устройство благотворительных учреждений, в том

числе, и на частные пожертвования. Сбор пожертвований велся Святейшим Синодом.

Пример благотворительности подавали представители царствующего дома. Большую деятельность развернула императрица Мария Федоровна – жена императора Павла и мать императоров Александра I и Николая I. Благодаря ей в России возникла сеть благотворительных учреждений, которые образовали особое Ведомство императрицы Марии Федоровны.

Важным направлением благотворительности в России была помощь раненым, больным и престарелым воинам и их семьям. Екатерина II учредила в Санкт-Петербурге Инвалидный дом, а в 1813 г. были заложены основы инвалидного капитала, который состоял из пожертвований императрицы Марии Федоровны и частных лиц. В 1814 г. Александр I создал «Комитет, Высочайше учрежденный на 18-й день августа 1814 года» (с 1877 г. Александровский комитет) – прообраз Красного Креста.

Начало частной благотворительности было положено во второй половине XVIII в. Этот вид благотворительности получил особенное развитие во второй половине XIX – начале XX вв. Так в 1861-1899 гг. было основано 95% всех благотворительных обществ и 82% всех благотворительных заведений. К концу XIX в. 75% всех израсходованных на благотворительность средств были частными, и только 25% принадлежали государству – казне, земствам, городам и сословным учреждениям [5, с. 330-333].

Приходская благотворительность как феномен религиозной жизни Санкт-Петербурга

Одним из видов церковной благотворительности является приходская благотворительность, главными центрами которой в дореволюционной России являлись приходские благотворительные общества и братства.

Санкт-Петербург, являясь столичным городом, и, следовательно, административным, интеллектуальным и промышленный центром страны, постоянно привлекал к себе людей со всей уголков Российской империи. Естественно, что во всей этой большой массе народа встречалось множество

безработных, бездомных, нищих, нуждающихся в помощи, оказавшихся по той, или иной причине в трудной жизненной ситуации. На помощь этим несчастным страдальцам, просящим помощи и нуждающимся в утешении неизменно приходили люди с добрым и отзывчивым сердцем. Петербург в этом отношении в середине XIX – начале XX вв. был городом, в котором приходская благотворительность находилась на высочайшем уровне развития.

По состоянию на 1900 г. в Петербурге действовало 29 приходских благотворительных обществ и 4 братства. Суммарно эти благотворительные организации на полном обеспечении содержания более тысячи престарелых женщин и тридцать мужчин. В постоянных приютах содержалось восемьсот детей из бедных семей, а в дневных приютах – свыше шестисот. Всем воспитанникам детских приютов давалось начальное и специальное ремесленное образование. Двести бедных женщин были обеспечены бесплатным жильем, а для двухсот пятидесяти – жилье сдавалось в аренду со значительной скидкой. Бедным выдавалось свыше сорока тысяч ежемесячных и единовременных денежных пособий и до двухсот тысяч порций обедов.

Кроме того, приходские благотворительные организации в Петербурге располагали двумя приютами для неизлечимо больных женщин, яслями и тремя домами трудолюбия для пятидесяти женщин. Также для помощи нуждающимся были организованы: женская рукодельня, женская профессиональная школа, контора труда, два детских санатория-дачи, три церковно-приходских школы, две воскресных школы, пять библиотек-читален, три церкви и одна часовня. Силами приходской благотворительности в Петербурге бедным пациентам оказывалась бесплатная медицинская помощь: одно общество имело свою больницу, шесть – небольшие лазареты. В двух обществах реализовывалась религиозно-нравственная литература. В части церковных благотворительных обществ воспитывали и обучали детей, устраивали детские праздники. Почти все такие общества проводили рождественские елки и организовывали коллективный летний отдых для детей [10, с. IV-V].

Петербургские приходские благотворительные общества и братства в

1900 г. имели более чем два миллиона рублей капитала и владели недвижимостью на сумму около двух с половиной миллионов рублей, с ежегодным доходом около полумиллиона рублей. В том числе, было уплачено членских взносов на сумму около 40 тысяч рублей, кружечный сбор составил более 55 тысяч рублей, проценты по вкладам – более 90 тысяч рублей, сбор по подписным листам – более 20 тысяч рублей и доход от сдачи недвижимости в аренду – более 80 тысяч рублей.

Примечательно, что все приходские благотворительные общества и братства Петербурга действовали независимо друг от друга и самостоятельно развивали различные способы и формы благотворительности. Две попытки объединить деятельность этих организаций, предпринятые в 70-х гг. XIX в., одна – при помощи периодических съездов представителей приходских благотворительных обществ, другая – через взаимодействие с «Императорским человеколюбивым обществом», не имели успеха [10, с. V-VI].

Тем не менее, петербургским приходским благотворительным обществам и братствам за менее чем сорок лет своей деятельности удалось достичь значительных положительных результатов, которые стали живым примером для развития благотворительности во всей России.

Священник Александр Гумилевский – клирик храма Рождества Христова на Песках

Дело организации приходской благотворительности в Петербурге, которое следует признать весьма успешным и заслуживающим самой высокой похвалы и одобрения, всецело принадлежит священнику Александру Гумилевскому (1830-1869) – клирику храма Рождества Христова на Песках, выпускнику Санкт-Петербургской Духовной Академии [см.: 8, с. 40-45].

Как священнослужитель о. Александр отличался особым даром проповедничества. Его проповеди отличались простотой, понятностью даже для необразованного слушателя, в необычайной сердечности и искренности. Больше всего о. Александр любил проповедовать о любви к ближнему, о милосердии и сострадании. Его речи проникали в самое сердце верующих и

никого не могли оставить безучастным или равнодушным.

Главной заслугой о. Александра и делом всей его подвижнической жизни стало учреждение при Христорождественском храме на Песках братского приюта для нищих детей и пожилых людей, а также организация различных форм приходской благотворительности. Это было новшеством не только для Петербурга того времени, но и для всей дореволюционной России.

Пески как исторический район Петербурга в то время, когда там начинал свое служение о. Александр (середина 1850-х гг.), были довольно бедным и провинциальным уголком. Мытная площадь, находившаяся там, где чуть позднее в 1864-1866 гг. был разбит Овсянниковский сквер (место гражданской казни Н.Г. Чернышевского 19 мая 1864 г.), представляла во время весны и осени место особой непролазной грязи. «На этой площади тогда устраивался эшафот, читали преступникам приговоры, свистали плети палачей... Песковские обитатели весьма часто, целыми толпами, сбегались на эти печальные сцены» [12, стб. 49]. Летняя Конная (ныне Греческая) площадь, находившаяся с другой стороны Песков, в 1850-е гг. представляла собой топи и болота. Летом на песковских улицах, за исключением Слоновой улицы (ныне Суворовский проспект), росла трава, а после дождя «бывали такие лужи и озера, что утки купались в них по целым неделям; зимой, перед окнами домов жителей красовались сугробы снега, которые не убирались, а с наступлением весны уничтожались сами собой» [12, стб. 49].

Население Песков в то время приобрело свой особенный колорит. Его составляли, в основном: мелкий чиновник; отставной военный не выше обер-офицерского чина, проживавший на небольшую пенсию; мелкий помещик, выстроивший собственный дом; небогатый купец, который успел обзавестись недвижимостью; ремесленники; вдовы; гадалки; свахи; ростовщики; торговцы; инвалиды; извозчики; чернорабочие; нищие [10, с. 3].

Именно таких обывателей Песков, простых, религиозных до суеверия, застал о. Александр Гумилевский, когда начал свое служение в Христорождественском храме. Этот район был окраиной столицы, контрастно

отличаясь от центральных, оживленных улиц города. Бедность тогда все еще была частым явлением в Рождественской части Петербурга.

С первых дней священнического служения о. Александр явил собой евангельский образ доброго пастыря, доступного для всех без исключения прихожан и в любое время дня и ночи. Для верующих он стал искренним благожелателем, другом, помощником и наставником. Нередко, даже ночью, ему случалось посещать бедных больных с целью приобщения их к Святым Христовым Тайнам или соборования. «А ходили ли Вы за доктором?» – спрашивал о. Александр. И, узнав, что за доктором не посылали или, пославши, не застали, молодой пастырь сам становился доктором. О. Александр ставил горчичники, компрессы или же лично отправлялся за врачом. И все это делалось бесплатно, просто «по братству» с несчастным бедняком.

Бывали даже и такие случаи, когда о. Александр, не найдя у больного горчицы, чтобы приготовить горчичники, отправлялся глубокой ночью будить торговцев и добивался у них того, что бы ему в столь поздний час продали это средство для лекарства, а иногда и выпроваживали священника со злостью и бранью за причиненное беспокойство [10, с. 3].

Искренняя благожелательность к прихожанам, к своим духовным детям руководила всеми действиями о. Александра. Он не мог прийти к больному со Святым Причастием и, приобщив, уйти, не сказав слова утешения и ободрения. Не мог и отслужить панихиду над усопшим, не расспросив с самым искренним участием и сочувствием об участии осиротившего семейства, и не дав столь важного и дорогого в таких случаях слова утешения и соболезнования. О. Александр обладал исключительной способностью ободрить человека в горе и болезни, пробудив в нем спасительную искру надежды, отрады и утешения

Принимая близко к сердцу проблемы и нужды своих духовных чад, о. Александр шел всюду и без зова, где требовались его помощь или присутствие. Первые годы служения о. Гумилевского во многом напоминают первые годы служения его выдающегося сокурсника о. Иоанна Кронштадтского.

Но и такая благородная, жертвенная деятельность, которая уже сама по

себе была способна прославить ревностного пастыря, не удовлетворяла неутомимого о. Александра. «Ему хотелось всего себя отдать на службу человечеству и совершить нечто великое, быть строителем всеобщего человеческого счастья» [10, с. 4]. Это было начало шестидесятых годов XIX в., время, когда всю лучшую часть русского общества охватило горячее стремление послужить на благо народа, а сугубо личные интересы отложить на задний план.

Духовник Крестовоздвиженской и Христорожественской общин сестер милосердия

В начале 1860 г. о. Александр, ставший к тому времени уже известным на всю столицу священником, был приглашен в качестве духовного наставника в Крестовоздвиженскую общину сестер милосердия, которая прославилась на всю Россию в годы Крымской войны. Именно из числа сестер этой общины под наблюдением и руководством великого русского хирурга Н.И. Пирогова были сформированы первые в мире женские медицинские отряды по оказанию помощи раненым во время войны, ставшие прообразом международного института медицинских сестер [1, с. 15-16].

Основательницей этой общины была великая княгиня Елена Павловна – вдова великого князя Михаила Павловича, выдающаяся русская благотворительница, известная своей всесторонней общественной и государственной деятельностью. «Главная ее забота заключалась в том, чтобы дать общине тот высокорелигиозный характер, который, воодушевляя сестер, закалял бы их для борьбы со всеми физическими и нравственными страданиями» [9, с. 518]. Именно поэтому Елена Павловна поручила о. Александру духовно-нравственное воспитание своих сестер. По решению великой княгини о. Гумилевский также вошел в совет общины и распоряжался всеми ее делами. Это была должность наподобие духовника в иезуитских коллегиях. О. Александр регулярно проводил общие беседы с сестрами общины, а также устраивал и беседы частные, личные. При этом он посещал больницы, в которых служили сестры и т.п.

Крестовоздвиженская община сестер милосердия была спешно образована во время Крымской войны, и после ее окончания все еще продолжала существовать без Устава. О. Александру было поручено составить свод правил, регулирующих деятельность организации. Духовный наставник сестер загорелся идеей возродить в общине древнехристианский церковный институт диаконисс – служительниц при храме и благотворительных церковных учреждениях. О. Александр надеялся, что религиозное стремление, ведущее многих женщин в монастырь для непрестанной словесной и созерцательной молитвы, направит их в общину милосердия для молитвы «деловой». По проекту о. Александра, община сестер милосердия должна была стать своеобразным мирским монастырем.

Эти принципы были заложены в проекте Устава, согласно которому, важнейшие задачи общины состояли в том, чтобы «питать алчущих, напоить жаждущих, одевать неимущих, давать приют странным, служить больным, посещать заключенных в темницах, утешать скорбящих, воспитывать бедных детей, исправлять женщин, погрязших в пороках, и наставлять заблуждающихся в вере». По мнению о. Александра, «община имеет право повсюду учреждать на свои средства благотворительные заведения для призрения бедных, убогих, больных, открывать приюты для бедных детей, назначать своих членов для служения больным в общественных больницах и в частных домах, для посещения заключенных в арестантских, острогах, тюрьмах и крепостях, для ходатайства за невинно угнетенных, для исправления распутных женщин в домах соблазна и для обращения иноверцев к Православной Церкви» [10, с. 8].

О. Александр предлагал, чтобы женская община милосердия состояла из испытываемых, послушниц, сестер и диаконисс. Во главе общины должен был стоять «пресвитер диаконисс», священник с «решительным голосом» и почти неограниченную власть. В общине предлагались следующие должности: мать-настоятельница, мать-наставница, мать-казначейка, мать-хозяйка, диаконисса больных, диаконисса бедных и проч. Дом диаконисс предполагался

особого устройства – с картинами и надписями на черных досках золотыми кириллическими буквами, нечто вроде масонского храма [10, с. 8-9].

Разработанный о. Гумилевским проект Устава Крестовоздвиженской общины сестер милосердия был отклонен как утопичный и идущий в разрез с современной церковной традицией. Однако это не остановило о. Александра, и он решил перейти к практическому осуществлению своего плана. В беседах с сестрами он стал требовать от них осуществления недостижимого идеала бескорыстия и самоотвержения, намереваясь превратить всеми уважаемый благородный труд сестер в образец подвижничества, чрезвычайно редкий даже в первые времена Христианства.

Такая ревность не всем пришлась по душе. О. Александр нажил себе влиятельного недоброжелателя в лице врача общины доктора Тарасова, смотревшего на дело сестер как на гражданскую службу, а не как на пример подвижничества, считал служение сестер долгом, а не обетом. В общине зародились две партии – сочувствовавших о. Александру и не разделявших его взглядов. Старые сестры перестали посещать беседы духовника. Так постепенно возникло разделение и отчуждение между наставником и сестрами. В итоге, в начале мая 1862 г., когда о. Александр традиционно пришел на беседу в общину, то застал на своем месте другого священника, занятого делом проповеди.

Великая княгиня Елена Павловна, выдавшая о. Александру в первый год его наставничества 300 рублей, а во второй – 600 рублей, в этот раз прислала ему в подарок драгоценную трость и благодарность за исполненное поручение по устройению общины. Тем самым о. Гумилевскому был дан явный намек на то, что его миссия в общине завершена [10, с. 11-12].

Ценный опыт, накопленный в период окормления Крестовоздвиженской общины, о. Александр использовал при организации общины сестер милосердия в родном храме Рождества Христова на Песках.

Образованию этой общины помог следующий случай. На Крестопоклонную неделю, 28 марта 1861 г., о. Александра пригласили

приобщить Святых Таин одного бедного больного старика, который снимал часть комнаты, занимая крошечное пространство между печью и стеной, и платил за это 50 копеек в месяц. Больной оказался девяностолетним старцем Дементием, служившим еще в ополчении во время Отечественной войны 1812 г. Картина нищенства была ужасная. Дав старику несколько монет, о. Александр с тяжелым чувством отправился в храм совершать богослужение. Все время, пока отправлялась служба часов, он думал о Дементии. А когда часы закончились, о. Александр вышел к народу, рассказал о положении нищего старца и призвал сделать пожертвования в пользу больного ветерана. В итоге было собрано около девяти рублей. В своей речи к прихожанам о. Александр красноречиво рассказал о деятельности диаконисс в Древней Церкви как виде христианского милосердия и призвал последовать этому примеру, послужив больному старику.

В тот же день к о. Гумилевскому пришла пожилая вдова Прасковья Краюхина, «жившая трудовой копейкой», и заявила, что она желает послужить Дементию по образу древних диаконисс. О. Александр очень воодушевился, увидев в Прасковье идеальную диакониссу. Он прочитал ей 25 главу Евангелия от Матфея и благословил на ответственное послушание и подвиг милосердия. Так простая женщина, получившая, пусть и без архиерейского благословения, важную церковную должность, стала героиней прихода. Она помогала не только Дементию, но и другим больным прихожанам, которым оказывала всяческую помощь и поддержку. О. Александр торжествовал, он писал великой княгине Елене Павловне: «Пастырское слово о любви христианской, соединенное с властью церковного учителя и решителя совести пасомых, согрело сердца некоторых из прихожан любовью к страдальцам и произвело, при указании опыта, первую служительницу христианского милосердия в религиозно-народном русском духе» [10, с. 12-13].

В мае того же 1861 г. к служительнице милосердия Прасковье присоединилась бедная девица, дочь чиновника София. Эти две сестры положили начало приходской общине сестер милосердия в

Христорождественском храме на Песках. 15 декабря 1861 г. о. Александр составил обращение «ко всем православным христианам о содействии устройству общины приходских служительниц милосердия в приходе церкви Рождества Христова». В этом обращении о. Гумилевский призвал верующих сделать пожертвования на устройство общины, заявляя о намерении подготовить Устав организации по примеру служения диаконисс древней Церкви. Этот призыв не остался без внимания. С февраля по первую половину мая было собрано 265 рублей 50 копеек пожертвований [7, с. 10-11].

В дальнейшем сбор пожертвований так и не стал регулярным, деньги на нужды общины то обильно поступали, то совсем заканчивались, но это не останавливало подвиг сестер, которые продолжали оказывать помощь нуждающимся, и число которых со временем возросло до семи [7, с. 7].

Открытие приходского приюта для нищих и учреждение Христорождественского братства на Песках

Проникнутый христианской любовью, о. Александр продолжал гореть желанием совершать жертвенное служение Богу и людям. Множество нуждающихся, неимущих и бедных прихожан ждали помощи и поддержки от своего доброго пастыря. Очевидно, что в храме Рождества Христова на Песках успели зародиться основы приходской благотворительности, и им нужно было дать дальнейшее развитие, но уже на основе новой организационной формы.

В результате долгих раздумий, о. Александр склонился к идее учредить приходское благотворительное братство по образцу церковных братств, существовавших в Западнорусском крае в XVI – XVII вв., но затем исчезнувших и совсем забытых в XIX столетии. Эти братства создавались при приходских храмах и монастырях. Среди таких братств следует отметить Львовское, Луцкое, Киевское, Виленское, Брестское, Могилевское, Минское, Оршанское и др. Важнейшим направлением деятельности братств являлась благотворительность, организация школ и издание богослужебных, религиозно-полемических, апологетических и учебных книг. Средства для своей деятельности братства получали от вступительных и ежегодных членских

взносов, добровольных пожертвований, вкладов, аренды и продажи братской собственности, книгоиздательства [см.: 6, с. 201-204].

Еще в 1861 г. в одном из первых номеров журнала «Дух христианина», издававшимся о. Александром, он писал: «Отчего бы духовенству, наравне с дворянством, не предпринять, наконец, самой широкой инициативы в деле народного просвещения? Отчего бы не основать у нас какого-нибудь братства для поддержания народных школ?» [4, с. 97].

Но для этой благородной цели нужны были средства, которых у о. Гумилевского не было, и которые необходимо было отыскать в самом скором времени. «В этих-то обстоятельствах, – писал о. Александр, – помогла мне приходская наша почтительность о бедных, производившаяся дотоле в самых скромных размерах. Она указала мне тот путь, на который надобно было поставить братство для скорейшего осуществления его на деле. Этот путь составляли малолетние приходские нищие. С самого поступления на место, меня крайне занимала судьба малолетних нищих, которые с юных лет приучались к губительному тунеядству. Некоторые из них вырастали на моих глазах и уже 12-ти лет были совершенно испорчены в нравственном отношении. Не раз я усиливался завлечь их в казенный детский приют, находящийся в нашем приходе, но напрасно. Они и слышать не хотели о нем. Тогда я стал говорить им, что заведу свой приют для них, если они дадут обещание прийти туда. Они обещались. Оставалось дело за материальными средствами для открытия приюта» [11, с. 11-12].

Чтобы осуществить свой замысел, подготовить прихожан к делу служения нуждающимся, а также с целью сбора денег на открытие приюта, о. Александр составил «Житие преподобного Алексея, человека Божия» [2]. В этом житии особенно актуально звучит вопрос о помощи бедным и раскрывается евангельское учение о нищих. В «нравственном приложении» к житию, автор высказал свои мысли о приходских благотворительных братствах и о необходимости их учреждения при каждой приходской церкви. Один прихожанин издал житие на свой счет, а на выручку от продажи книги (по три

копейки за каждую) удалось собрать небольшую сумму для открытия приюта [10, с. 14]. Но приступить к открытию приюта на столь малые средства было невозможно.

Настоящее чудо случилось 3 апреля 1863 г., в первый день Пасхи. О. Александр по традиции зашел в гости к своему прихожанину Е.М. Скворцову, и остался у него до полуночи. Предметом беседы стала благотворительность и вопрос об открытии приюта для нищих. Искренне желая поучаствовать в богоугодном деле, Е.М. Скворцов пожертвовал на приют 200 рублей – немалую по тем временам сумму [10, с. 14].

Воодушевленный таким успехом, о. Александр сразу написал прошение столичному митрополиту Исидору (Никольскому) о разрешении «учредить в Христорожественском, что на Песках, приходе братский приют для больных, престарелых и малолетних нищих, с обучением малолетних закону Божию, церковному пению, чтению, письму, арифметике и рукоделию через известных по христианской любви к ближним благочестивых прихожан, при его (о. Александра Гумилевского – *А.М.*) непосредственном участии и надзоре, с разрешением сбора пожертвований на оный посредством кружки и книжки» [7, с. 16].

4 апреля 1863 г. на это прошение была наложена резолюция митрополита Исидора: «Бог да благословит. Сообщить о сем генерал-губернатору и дать знать свящ. Гумилевскому» [7, с. 16].

Получив благословение на организацию приюта, о. Александр сразу же нашел недалеко от Христорожественского храма четырехкомнатную квартиру для приюта с прихожей и кухней. А 7 апреля, в Фомино воскресенье, состоялось открытие приюта с молебном и обедом для нищих. Еще через неделю все было готово к открытию приютской школы, которую снабдили книгами, классными досками и всем необходимым.

Вскоре при приюте была организована больница для женщин на 5 коек, на такое же число коек женская богадельня и прибежище для нищих девочек на 7 коек. Спустя несколько месяцев, в августе, в отдельной квартире того же

дома, был открыт приют для 10 мальчиков, где они не только проживали, но и обучались коробочному и переплетному мастерству. Еще через месяц, в сентябре, в подвале того же дома было устроено помещение для проживания 16 нищих мужчин и женщин.

Приют быстро расширялся. В том же году на углу Слоновой улицы в доме Рыжова было открыто прибежище для 14 девочек, которых специально обучали рукоделию и шитью. В состав приюта были включены и учреждения, которые ранее были открыты при храме – приходская библиотека, приходской хор и община сестер милосердия [7, с. 16-17].

Бесплатные обеды ежедневно получали от 60 до 70 человек, а пищу раздавал нередко сам о. Александр вместе со своей супругой. Это становилось предметом насмешек со стороны некоторых представителей духовенства, злословивших, будто о. Гумилевский открыл у себя на приходе харчевню, в которой его жена угощает всяких уличных проходимцев. Эти пересуды, впрочем, не могли поколебать решимости о. Александра продолжать начатое, тем более, что в добром деле милосердия проявилось настоящее чудо: пшеничная мука, пожертвованная на пироги для нищих в один из первых обедов, никогда не переводилась [10, с. 14-15].

Смысл и назначение таких обедов понимались о. Александром не просто как формальный прием пищи в виду естественных человеческих потребностей, а как высокое христианское служение Богу и ближним: «Эти обеды устроены в братском приюте в память тех обедов, которые устраивались для бедных в Древней Православной Христианской Церкви в притворах церквей, называвшихся от того трапезами, и память о которых сохраняется до сих пор в названии места стояния нищих – папертью (от латинского слова *pauper* – бедный), в равно и самого богослужения, после которого они устраивались их всякого приношений (по-гречески – просфор), – обеднею» [7, с. 25].

Периодически в приюте устраивались и так называемые «заказные» «здравные» и «заупокойные» обеды, когда приходские благотворители за свое и своих близких здоровье или за упокой родственников заказывали

специальные обеды для нищих песковского храма. Отличительными особенностями таких «заказных» обедов являлось расширенное с деликатесами меню, а на «заупокойных» обедах еще подавались кутья и кисель. Кроме того, эти обеды предварялись молебном «за здравие» или литией об усопших [7, с. 25-26].

Важно, что о. Александр, открывая свой приют, стремился, чтобы в нем находили убежище не просто бедные люди, а преимущественно нищие. Это объясняется тем, что желая сгруппировать вокруг приюта зародившуюся приходскую благотворительность, священник загорелся желанием искоренить нищенство на приходе. Про условия жизни в приюте, о. Гумилевский отзывался так: «Жизнь нищих, как показывает опыт, весьма обеспечена милостынею. Большая часть из них на собираемые деньги находит возможным не только кормиться, но пьет каждый день кофеек, а то и водочку». Но при этом он был обеспокоен нравственным состоянием этих нищих: «Признаемся, в этом приюте нищеты (в нищенском отделении взрослых) мы узнали то, чего даже не воображали. Не знаем, насколько братство наше успеет нравственно переработать этот класс людей. Это самая трудная задача для братства» [7, с. 14-15].

Организовывая братский приют, о. Александр предполагал взять нищих под свою опеку с целью перевоспитания. Для взрослых предполагался общественно-полезный труд, а для детей – обучение грамоте и рукоделию. Тем самым, о. Гумилевский расширил задачи приходской благотворительности, которая теперь была направлена как на нравственное исправление нищих, так и на искоренение самого нищенства на песковском приходе.

Труды о. Александра за первые два года после открытия приюта не прошли даром. Священник Василий Маслов, активно помогавший о. Гумилевскому, так отзывался о деятельности о. Александра: «В течение двух лет он ежедневно прокармливал от 60 до 70 человек, не имевших куска хлеба, а в некоторые дни и до 100; от 50 до 60 нищих, преимущественно малолетних, он сверх того с головы до ног одевал; от 50 до 60 нищих он снабжал кроме того

квартирой, и из этого числа только незначительная часть не пользовалась отоплением, освещением и столом; до 70 больных перебивало в его больнице на излечении, умерших в ней он же и хоронил; до 30 малолетних нищих он подготовил к честному труду и до 150 детей ознакомил с грамотой» [10, с. 15].

В то время, когда о. Александр открыл свой братский приют и начал его постепенно развивать, приходская и общественная благотворительность в Петербурге только начинала набирать обороты. Почти еще не было последовавших примеру о. Гумилевских священников, поэтому деятельность песковского пастыря особенно выделялась среди столичного духовенства.

Очевидно, что организация братства должна была быть упорядочена и облечена в определенную организационно-правовую форму. В этой связи, летом 1863 г. о. Александр взялся за написание проекта Устава братства, которое в честь храма на Песках получило название Христорожественского. Уже 2 октября священник представил проект Устава митрополиту Исидору.

Во многом этот проект был составлен по примеру организации деятельности церковных братств, существовавших в XVI – XVII вв. в Западной Руси. Так целью братства должна была стать не только забота о бедных, но и помощь всему приходу. В проекте Устава говорилось о том, что «братство заботится о поддержании благолепия в приходском храме, об улучшении приходского хора певчих, об умножении приходской религиозно-нравственной библиотеки для бедных соприхожан». И лишь затем шел пункт о том, что братство заботится «о развитии братского приюта для больных, престарелых и малолетних нищих на Песках» [7, с. 18].

Условием для вступления в братство было наличие письменного поручительства духовного отца и двух членов братств, свидетельствовавших о честной и порядочной жизни лица, желавшего стать членом братства. Определялся такой порядок вступления в братство: «Удостоенное принятия в братство лицо приводится одним из старших братьев, если мужчина, и одною из старших сестер, если женщина, в следующее собрание братского совета, пред которым словесно подтверждает свое желание вступить в братство, и дает

обещание служить братству по мере сил и средств своих». После этого должен был быть отслужен молебен Спасителю и Божьей Матери, после которого новый член братства подавал руку всем присутствующим. Проектом Устава были предусмотрены и определенные взыскания в отношении братчиков: «В случае неисполнения каким-либо членом братства братских обязанностей, он по решению братского совета, подвергается духовному увещанию, или денежной пени, или совершенному удалению из братства, смотря по степени его вины и чувству раскаяния провинившегося» [7, с. 18-19].

Были прописаны и некоторые привилегии – всем членам братства предоставлялось право пользоваться следующими «двумя религиозными преимуществами, освященными уставами всех древних православных братств, именно внесением их имен в братские заздравные и заупокойные помянники и дозволением стоять в церкви с братскими свечами в руках на всенощных бдениях накануне больших праздников в положенное церковным уставом время» [7, с. 19].

Этот проект Устава вскоре был одобрен Духовной консисторией и викарием Петербургской епархии епископом Леонтием (Лебедедским) и был утвержден митрополитом Исидором, а после этого был направлен в Министерство внутренних дел, где находился на рассмотрении в течение целых двух лет. За это время проект Устава из Министерства был отправлен к военному генерал-губернатору, от него в Комитет для разбора и признания нищих, оттуда опять в Министерство, затем к Обер-прокурору Святейшего Синода, оттуда снова в Министерство. Лишь в конце 1865 г. проект Устава был возвращен митрополиту Исидору как неутвержденный и со многими замечаниями министра внутренних дел П.А. Валуева. Митрополит переслал документ о. Александру со следующей резолюцией: «Устав, вместе с сим отношением передать свящ. Гумилевскому с тем, чтобы он составил новый Устав по указаниям г. министра и представил оный с возвращением сих бумаг» [7, с. 19].

Суть замечаний министра Валуева заключалась в том, что в проекте

Устава «кроме самого общего и поверхностного указания цели братства, все остальные затем правила состоят преимущественно в указании различных обрядов и установлений внешних условий братства, которые ни по существу, своему, ни на основании Высочайше утвержденных 8-го мая 1864 года основных Правил для утверждения православных церковных братств, не подлежат утверждению Министерства внутренних дел; таких же правил, которые, составляя сущность Уставов благотворительных обществ, подлежали бы утверждению Министерства внутренних дел, в проекте Устава свящ. Гумилевского не заключается; таким образом, не указано назначение приюта для малолетних, ни средств, которыми вообще предполагается достигнуть предназначенных братством дел» [7, с. 19-20].

Если принять во внимание, что проект Устава был составлен и подан о. Александром на утверждение в ноябре 1863 г., а Правила, на которые ссылался министр Валуев, были утверждены гораздо позже, в начале мая 1864 г., то сами эти замечания являются, очевидно, несправедливыми и надуманными. Ведь как раз именно благодаря деятельности о. Гумилевского и началось возрождение церковных братств по всей России. Бюрократическая машина создавала явные проблемы приходской благотворительности, но не могла остановить сам процесс появления братств. О. Александр заявлял прямо, что «православные церковные братства пробуждаются к жизни, – это факт уже свершившийся» [3, с. 468].

После отказа в утверждении проекта Устава братства, о. Александр больше никогда не возвращался к этому вопросу. Он не вносил исправления в первоначальный проект, и не принимался за составление нового. Таким образом, братство целых 5 лет, до августа 1868 г., существовало без Устава. Несмотря на это, благородное начинание имело успех, потому, что «в основе всей организации благотворительного дела заложена была о. Гумилевским идея бескорыстного, ради любви ко Христу, служения братскому приюту» [14, с. 5-6].

Первое время братский приют функционировал на основании

разрешения, выданного лично о. Александру указом Духовной консистории. Именно о. Гумилевский являлся официальным лицом, ответственным за управление делами приюта. Среди помощников о. Александра следует назвать его супругу О.Г. Гумилевскую, исполнявшего обязанности секретаря приюта А.О. Витнера и столичного купца Ф.В. Кудрявцева, бывшего экономом братства. Кудрявцев, будучи человеком скромным и небогатым, был очень предан приюту и оказывал ему существенную помощь. Имея широкие связи среди биржевых купцов, он сумел привлечь этих состоятельных людей к делу помощи приюту через пожертвования, в том числе одеждой и провизией [14, с. 6].

Отъезд в Нарву, возвращение в Петербург и кончина о. Александра

18 мая 1866 г. церковным начальством было принято решение о переводе о. Александра в Спасо-Преображенский собор Нарвы. Это произошло после скандала, который поднялся в связи с проповедью, сказанной батюшкой 4 апреля 1866 г. по случаю благодарственного молебна, отслуженного в храме Рождества Христова на Песках в честь спасения императора Александра II от покушения Д. Каракозова. Недоброжелатели о. Александра распространили по Петербургу слухи, будто священник призывал прихожан защитить царя от помещиков. В действительности же, речь о. Александра хоть и была произнесена под глубоким эмоциональным впечатлением от случившегося покушения на императора, но не содержала ничего крамольного и антиправительственного [8, с. 60-62].

На проводы дорогого пастыря собралось, в прямом смысле, все население Песков. Когда начали совершать молебен о благоприятном путешествии о. Александра и его семьи, то слезами, всхлипываниями и рыданиями духовных детей священника наполнились все углы Христорождественской церкви, а также весь путь следования от храма до экипажа [11, с. 27-28]. Благословляя своих прихожан, о. Гумилевский старался их утешить, но его сердце уже не находило утешения. Добрый пастырь должен был расстаться со своими духовными детьми, со своим любимым делом, с братством и приютом. Все это

тяжелым камнем ложилось на сердце о. Александра.

В указе Духовной консистории о переводе о. Гумилевского в Нарву, ему, среди прочего, предписывалось все братские деньги и имущество сдать в присутствии благочинного лицам, заведующим братским приютом. Тогда о. Александр решил собрать активных прихожан и предложить им избрать Совет для управления приютом и заведений всем имуществом и средствами братства. 8 июня 1866 г. в присутствии благочинного по предложению о. Гумилевского был избран Совет братства, которому были сданы как деньги, так и братское имущество. Председателем Совета пожелали утвердить о. Александра, его замом сделать священника песковского прихода о. Василия Маслова. Но в связи с отъездом о. Гумилевского в Нарву, он был утвержден митрополитом в звании почетного председателя братства, а председателем Совета братства стал священник Маслов [7, с. 33-34].

Нарвская ссылка длилась недолго. Менее чем через год Александр II по просьбе императрицы Марии Александровны повелел вернуть о. Гумилевского в столицу. В Петербурге о. Александр вопреки просьбам прихожан не был возвращен на песковский приход, а был назначен вторым священником в церковь в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при Обуховской женской больнице [10, с. 16]. Несмотря на возвращение в столицу, о. Александр более не принимал активного участия в деятельности основанного им братства, хотя и не оставлял его совсем без своего внимания и присутствия.

Неутомимая заботами, жертвенная и исполненная страданиями и переживаниями жизнь о. Александра в итоге оказалась, безусловно, самобытной и яркой, но слишком короткой. Постоянные труды во благо Церкви и страждущих людей подорвали здоровье и силы священника. Последним замыслом о. Гумилевского было желание устроить при церкви Обуховской женской больницы «погребальную кассу» для сбора средств на достойное погребение бедняков [11, с. 38], но этому делу не суждено было осуществиться. При исполнении пастырских обязанностей в этой же больнице, о. Александр и сложил свою жизнь 20 мая 1869 г., заразившись тифом после

получасовой беседы с умиравшей бедной девушкой, которую и напутствовал в вечную жизнь [10, с. 16].

Умер выдающийся священнослужитель не только Петербурга, но и всей России, но не умерло его великое дело. Ученики и последователи о. Александра продолжили и преумножили те начала приходской благотворительности, которые он организовал и устроил со свойственной ему большой любовью и заботой. Христорождественское Александро-Иосифовское братство на Песках просуществовало более пятидесяти лет, и было закрыто только после революции в 1918 году. Эта полувековая работа не прошла даром. Жертвенные труды братчиков дали прекрасные результаты и принесли богатые плоды [см.: 8, с. 73-105]. Основная цель братства – приходить на помощь бедным, реализовывалась в масштабных размерах. Заложное о. Александром дело братства развивалось не сразу, а постепенно, нередко через искушения, страдания и горечь потерь. Но никогда заботы благотворителей не оставляли ни детей, ни престарелых, всех тех, кто искал у братства помощи и поддержки. Братство неизменно заботилось о голодных, о нищих детях, не имея возможности всех поместить в приюте, оно, тем не менее, всегда находило выход, чтобы облегчить участь несчастных, поддержать их словом и делом.

Священник Александр Васильевич Гумилевский, безусловно, является ярчайшим представителем современного ему духовенства Санкт-Петербурга. Своей неутомимой пастырской деятельностью, своими делами милосердия и благотворительности, основанием братского приюта для бедных и самого братства, он прославил храм Рождества Христова на Песках на всю Россию.

В одном письме, написанном в сентябре 1861 г., о. Александр так говорил себе: «Знаю, что я сам грешник; знаю, что во мне самом много недостатков. Но вместе с тем чувствую в себе какую-то внутреннюю силу, которая побуждает меня с сочувствием спешить навстречу всякому доброму начинанию и быть строгим разрушителем препятствий, какие ставят на пути злые, недобрые люди. Что это такое, я сам не постигаю, но вижу только, что эта сила влечет всегда меня к добру, а не к злу. Вижу, что всякое дело мое, хоть после тяжелой иногда

борьбы, достигает цели. Это меня поддерживает, ободряет, укрепляет в жизни так, что чем дальше я иду, тем меньше чувствую в себе слабости. Правда, иногда я ослабеваю, но в эти минуты естественного ослабления всегда какой-нибудь светлый луч надежды блеснит для меня, и я снова в путь, в дело, в жизнь... Другие удивляются множеству моих занятий и укоряют меня тем, что я ночи простаиваю с пером в руках у этажерки, что я не берегу своего здоровья, что я не жалею жены, которая в нашем звании должна бедствовать после моей смерти; а я, напротив, удивляюсь другим священниками отчего они мало делают... Мне кажется, что мое дело, какое бы оно ни было, совершаемое с мыслию о Христе, есть та же молитва, но только молитва, если можно так выразиться, деловая» [10, с. 16-17].

Можно сказать, что наперекор всему и вся о. Александр был «один в поле воин». Он слишком не вписывался в атмосферу помпезности столичного духовенства, которое предпочитало жить роскошно, служить чинно, проповедовать громогласно. Им, кажется, и вовсе было непонятно поведение скоромного песковского священника, который лично раздавал обеды нищим, бесплатно учил в воскресных школах, ухаживал за больными и говорил горячие проповеди в духе евангельского учения о милости и милосердии. О. Гумилевский с сожалением констатировал: «Я житейский мученик, и мучаюсь тем более, что не вижу себе сочувственной помощи от моих собратий» [10, с. 17].

Правда, что о. Александр часто в своих многочисленных и благих начинаниях не находил сочувствия и помощи от сослужителей и от общества в целом. Но часто, не значит, что всегда. Господь неизменно посылал доброму пастырю добрых людей, которые разделяли его чаяния, идеи и стремления. С помощью этих единомышленников совершались дела милосердия, устраивалась благотворительность, и крепло братство, пример с которого брали единомышленники о. Александра по всей России.

Список литературы:

1. Архимандрит Георгий (Ю.Л. Шевченко). Высокий дар небес. К вопросу о канонизации Н.И. Пирогова // Праведный и Чудесный доктор Николай Пирогов: врач, ученый, педагог, философ и религиозный мыслитель (материалы к канонизации) / Под ред. Ю.Л. Шевченко (архимандрита Георгия). М.: Историко-литературный журнал «Странникъ», 2020. С. 7-24.
2. Гумилевский А.В., свящ. Житие преподобного Алексия, человека Божия: Изд. в пользу Петерб. Рождеств. братства. СПб.: Тип. В. Головина, 1863. 24 с.
3. Гумилевский А.В., свящ. Летопись предполагаемого братства // Дух христианина. 1862. Июль. Отд. III. С. 468-490.
4. Гумилевский А.В., свящ. Современное обозрение // Дух христианина. 1861. Ноябрь. Отд. III. С. 89-116.
5. Левин С.С. Благотворительность в России // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000–. Т. V: Бессонов – Бонвеч. 2002. С. 325-334.
6. Лукашова С.С. Братства Православные // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2000–. Т. VI: Бондаренко – Варфоломей Эдесский. 2003. С. 201-213.
7. Маслов В., прот. Двадцатилетие Христорождественского братского приюта при Христорождественской на Песках в С.-Петербурге, церкви: Ист. очерк прот. Василия Маслова. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1883. 77 с.
8. Мельков А.С., Шкаровский М.В. Храм Рождества Христова на Песках: страницы истории. Смоленск: Историко-литературный журнал «Странникъ», 2021. 248 с.
9. Оболенский Д.А. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 504-528.
10. Рункевич С.Г. Приходская благотворительность в Петербурге:

Исторические очерки С.Г. Рункевича. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1900. VIII, 313, [6] с.

11. Скроботов Н.А. Жизнь и деятельность основателя церковных братств на Руси в новейшее время священника Александра Васильевича Гумилевского: Крат. очерк Н. С-ова: С прил. портр. покойного пастыря, речей и слова, посвященных памяти его. СПб.: Тип. Каспари, 1870. 64 с.

12. Скроботов Н.А. Приходский священник Александр Васильевич Гумилевский: Подроб. биограф. очерк с прил.: а) портр., б) факс., в) списка сочинений и г) песен / Сост. С-ов. СПб.: А. Соколов, 1871. XXVIII, 360 стб.

13. Тарасий (Ланге), игум. Благотворительность и милостыня как важнейшие аспекты христианского благочестия в творениях отцов доникейского периода // Христианское чтение. 2014. № 1. С. 35-50.

14. Шкарин А.Н. Пятидесятилетие Христорождественского братства: Ист. очерк. Пг.: Тип. «Новое время» (А.С. Суворин), 1914. 32 с.

Сведения об авторе:

Мельков Андрей Сергеевич – доктор теологических наук, кандидат филологических наук, эксперт Экспертного Совета при Правительстве Российской Федерации, Президент Института современных гуманитарных исследований (Москва, Россия).

Data about the author:

Melkov Andrey Sergeevich – Doctor of Theological Sciences, Candidate of Philological Sciences, Expert of the Expert Council under the Government of the Russian Federation, President of the Institute of Modern Humanitarian Researches (Moscow, Russia).

E-mail: president@isgi.ru.